

И. БАБЕЛЬ

ЛЮБКА КОЗАК

206.
2652

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 64

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСПОЛИГРАФА * МОСКВА

Вышедшие книжки Библиотеки „Огонек“.

КАЙЕННА А. ЛОНДР Библиотека „Огонек“ № 1 Издательство „Огонек“	ВОЙНА БУДУЩЕГО А. РИОЛИНГ Библиотека „Огонек“ № 2 Издательство „Огонек“	ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК МИХ. ЗОЩЕНКО Библиотека „Огонек“ № 3 Издательство „Огонек“	АНАТОЛЬ ФРАНС А. ЛУГАНСКИЙ • Т. АСЕРИЧ Библиотека „Огонек“ № 4 Издательство „Огонек“
РАССКАЗЫ И. БАБЕЛЯ Библиотека „Огонек“ № 5 Издательство „Огонек“	Д. НИКОЛИН ВТОРАЯ МЕЩАНСКАЯ Библиотека „Огонек“ № 6 Издательство „Огонек“	ДЖОН РИД ВОЙНА С КОЛОРАДО Библиотека „Огонек“ № 7 Издательство „Огонек“	ЕФИМ ЗОЗУЛЯ РАССКАЗЫ Библиотека „Огонек“ № 8 Издательство „Огонек“
МИХ. КАШКАРОВ РАССКАЗЫ ОБ ОКТЯБРЕ Библиотека „Огонек“ № 9 Издательство „Огонек“	ДАРИСА РЕЙСЕР АЗИАТСКИЕ ПОВЕСТИ Библиотека „Огонек“ № 10 Издательство „Огонек“	МИХАИЛ ПРАЩИН СМЕРТНЫЙ ПРОБЕГ Библиотека „Огонек“ № 11 Издательство „Огонек“	КОРИЙ СОБОВЕВ НОВЫЙ ЧЕХОВ Библиотека „Огонек“ № 12 Издательство „Огонек“
Л. В. ЗАЙНОВ НАУКА О ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА Библиотека „Огонек“ № 13 Издательство „Огонек“	АНДРЕЙ СОБОЛЬ КИТАЙСКИЕ ТЕНИ Библиотека „Огонек“ № 14 Издательство „Огонек“	ВЕРА ИНБЕР РАССКАЗЫ Библиотека „Огонек“ № 15 Издательство „Огонек“	А. И. СВИРСКИЙ НА ВОЛОСКЕ Библиотека „Огонек“ № 16 Издательство „Огонек“

РЕН Т. МАРК МЕСС-МЕНД Библиотека „Огонек“ № 17 Издательство „Огонек“	Н. А. КАРПОВ ГРЫЗКИ-ХОЗЯЙЧИКИ Библиотека „Огонек“ № 18 Издательство „Огонек“	ЯКОБ ВАССЕРМАН ЗОЛОТО Библиотека „Огонек“ № 19 Издательство „Огонек“	А. БЕЗЫМЕНСКИЙ ИЗБРАННЫЕ СТИХИ Библиотека „Огонек“ № 20 Издательство „Огонек“
КАРЛ РАДЕК СУН-ЯТ-СЕН Библиотека „Огонек“ № 21 Издательство „Огонек“	А. НОВИКОВ-ПРИБОИ ПОД ЮЖНЫМ НЕБОМ Библиотека „Огонек“ № 22 Издательство „Огонек“	М. ГОРЬКИЙ РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА Библиотека „Огонек“ № 23 Издательство „Огонек“	ВСЕВОЛОД ИВАНОВ КОГДА РАСЦВЕТАЕТ СОСНА Библиотека „Огонек“ № 24 Издательство „Огонек“
АЛЬБЕРТ СЫРКИН ПОД ВОСТОЧНОЙ ЗВЕЗДОЙ Библиотека „Огонек“ № 25 Издательство „Огонек“	Л. СОСНОВСКИЙ О ПУШКЕ Библиотека „Огонек“ № 26 Издательство „Огонек“	Б. РУСТАМ БЕК ПОЛЯРНЫЕ ЛЬДЫ Библиотека „Огонек“ № 27 Издательство „Огонек“	В. МАЯКОВСКИЙ ОБЛАКО В ШАНАХ Библиотека „Огонек“ № 28 Издательство „Огонек“
МИХ. ЗОЩЕНКО СЕРЬЮЗНЫЕ ОХОТНИЧЬЕСКИЕ РАССКАЗЫ Библиотека „Огонек“ № 29 Издательство „Огонек“	ВЛ. ВАСИЛЕНКО РАССКАЗЫ Библиотека „Огонек“ № 30 Издательство „Огонек“	ВЛ. ЛИНДНЕР РАССКАЗЫ О ДВАДЦАТОМ ГОДЕ Библиотека „Огонек“ № 31 Издательство „Огонек“	М. ГОРЬКИЙ ВДА РАССКАЗЫ Библиотека „Огонек“ № 32 Издательство „Огонек“

И. БАБЕЛЬ

У 206.
2652

ЛЮБКА КОЗАК

РАССКАЗЫ

54-386.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОГОНЕК»
МОСКВА — 1925

Отпечатано в 13-й типографии
«Мосполиграф»
«Мысль Печатника»
Петровка, 17. В кол. 50.000 экз.
Главлит № 42.304.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

43260-56.

ЛЮБКА КОЗАК.

На Молдаванке, на углу Дальницкой и Балковской улиц, стоит дом Любки Шнейвейс. В этом доме помещается винный погреб, постоянный двор, овсяная лавка, много других лавок и голубятня на сто пар крюковских и николаевских голубей. Лавки эти и еще участок номер сорок шесть на одесских каменоломнях принадлежат Любке Шнейвейс, прозванной Любкой Козак, и только голубятня является собственностью сторожа Евзеля, отставного солдата с медалью. По воскресеньям Евзель выходит на охотничью со своими голубями и продает их чиновникам из города и соседским мальчишкам. Кроме сторожа на Любкином дворе живет еще Песя-Миндл, кухарка и сводница, и управляющий Цудечкис, маленький еврей, похожий ростом и бородежкой на прославленного молдаванского раввина нашего бен-Зхарью. Об Цудечкисе этом я знаю много интересных историй. Первая из них — это история о том, как Цудечкис поступил управляющим на постоянный двор Любки, прозванной Козак.

Лет десять тому назад Цудечкис смаклеровал одному помещику молотилку с конным приводом и

вечером повел помещика к Любке, для того чтобы отпраздновать покупку молотилки. Покупщик его носил возле усов подусники и ходил в лаковых сапогах. Песя-Миндл дала ему на ужин фаршированную еврейскую рыбу и потом очень хорошую барышню, по имени Настя. Помещик переночевал и на утро Евзель разбудил Цудечкиса, свернувшегося калачиком у порога Любкиной комнаты.

— Вот,— сказал Евзель,— вы хвалились вчера вечером, что помещик купил через вас молотилку,— так будьте известны, что, переночевав, он убежал на рассвете, как самый последний. Видно, что вы аферист. Теперь вынимайте два рубля за закуску и четыре рубля за барышню. Видно, вы тертый старик...

Но Цудечкис не отдал денег, Евзель втолкнул его тогда в Любкину комнату и запер на ключ.

— Вот,— сказал сторож,— ты будешь здесь, а потом придет Любка с каменоломни и, с божьей помощью, вынимет из тебя душу. Аминь.

— Каторжанин,— ответил солдату Цудечкис и стал осматриваться в новой комнате,— ты ничего не знаешь, каторжанин, кроме своих голубей, а я верю еще в бога, который выведет меня отсюда, как вывел всех евреев — сначала из Египта и потом из пустыни...

Маленький маклер много еще хотел высказать Евзелю, но солдат взял с собою ключ и ушел, громяхая сапогами. Тогда Цудечкис обернулся и увидел у окна сводницу Песю-Миндл, которая читала книжку «Чудеса и сердце Баал-Шема». Она

читала хасидскую книжку с золотым обрезом и качала ногой дубовую люльку. В этой люльке лежал Любкин сын, Давидка, и плакал.

— Я вижу хорошие порядки на этом Сахалине,— сказал Цудечкис Песе-Миндл,— вот лежит ребенок и разрывается на части, что это жалко смотреть, и вы, толстая женщина, сидите, как камень в лесу, и не можете дать ему соску...

— Дайте вы ему соску,— ответила Песя-Миндл, не отрываясь от книжки,— если только он возьмет у вас, старого обманщика, эту соску, потому что вот он уже большой, как кацап, и хочет только мамашенькиного молока, а мамашенька его скачет по своим каменоломням, пьет чай с евреями в трактире «Медведь», покупает в гавани контрабанду и думает о своем сыне, как о проплогодном снеге...

— Да,— сказал тогда самому себе маленький маклер,— ты у фараона в руках, Цудечкис,— и он отошел к восточной стене, пробормотал всю утреннюю молитву с прибавлениями и взял потом на руки плачущего младенца. Давидка посмотрел на него с недоумением и помахал малиновыми ножками в младенческом поту, а старик стал ходить по комнате и, раскачиваясь, как падиш на молитве, запел нескончаемую песню.

— А-а-а,— запел он,— вот всем детям дули, а Давидочке нашему калачи, чтобы он спал и днем, и в ночи... А-а-а, вот всем детям кулаки...

И Цудечкис показал Любкиному сыну кулачек с серыми волосами и стал повторять про дули и калачи до тех пор, пока мальчик не заснул и пока

солнце не дошло до середины блистающего неба. Оно дошло до середины и задрожало, как муха, обессиленная зноем. Дикие мужики из Нерубайска и Татарки, остановившиеся на Любкином постоялом дворе, полезли под телеги и заснули там диким залившимся сном, пьяный мастеровой вышел к воротам и, разбросав рубанок и пилу, свалился на землю, свалился и захрапел по середине мира, весь в золотых мухах и в голубых молниях июля и неподалеку от него, в холодке, уселись морщинистые немцы-колонисты, привезшие Любке вино с бессарабской границы. Они закурили трубки, и дым от их изогнутых чубуков стал путаться в серебряной щетине небритых и старческих щек. Солнце свисало с неба, как розовый язык жаждущей собаки, исполинское море накатывалось вдаль на Пересыпь, и мачты дальних кораблей колебались на изумрудной воде Одесского залива. День сидел в разукрашенной ладье, день подплывал к вечеру, и навстречу вечеру только в пятом часу вернулась из города Любка. Она приехала на чалой лошаденке с большим животом и с отросшей гривой. Парень с толстыми ногами и в ситцевой рубаше открыл ей ворота, Евзель поддержал узду ее лошади, и тогда Цудечкис крикнул Любке из своего заточения:

— Почтение вам, мадам Шнейвейс, и добрый день. Вот вы уехали на три года по делам и набросили мне на руки голодного ребенка...

— Цыть, мурло,— ответила Любка старику и слезла с седла,— кто это раззевает там рот в моем окне?

— Это Цудечкис, тертый старик,— ответил хозяинке солдат с медалью и стал рассказывать ей всю историю с помещиком, но он не досказал до конца, потому что маклер, перебивая его, завизжал изо всех сил:

— Какая нахальства,— завизжал он и швырнул вниз ермолку,— какая нахальства набросить на руки чужого ребенка и самой пропасть на три года.. Идите, дайте ему цию...

— Вот я иду к тебе, аферист,— пробормотала Любка и побежала к лестнице. Она вошла в комнату и вынула грудь из запыленной кофты.

Мальчик потянулся к ней, искушал чудовищный ее сосок, но не добыл молока. У матери надулась тогда жила на лбу, и Цудечкис сказал ей, тряс ермолкой:

— Вы все хотите захватить себе, жадная Любка; весь мир тащите вы к себе, как дети тащут скатерть с хлебными крошками; первую пшеницу хотите вы и первый виноград; белые хлеба хотите вы печь на солнечном припеке, а маленькое дите ваше, такое дите, как звездочка, должно захлнуть без молока...

— Какое там молоко,— закричала женщина, отворачиваясь и надавила грудь,— когда сегодня прибыл в гавань «Плутарх» и я сделала пятнадцать верст по жаре?.. А вы, вы запели длинную песню, старый еврей,— отдайте лучше шесть рублей...

Но Цудечкис опять не отдал денег. Он распустил рукав, обнажил руку и сунул Любке в рот худой и грязный свой локоть.

— Давись, арестантка, — сказал он и плюнул в угол.

Любка подержала во рту чужой локоть, потом вынула его, заперла дверь на ключ и пошла во двор. Там уже дожидался ее мистер Троттибэрн, похожий на колонну из рыжего мяса. Мистер Троттибэрн был старшим механиком на «Плутархе». Он привел с собой к Любке двух матросов. Один из матросов был англичанином, другой был малайцем. Все втроем — они втащили во двор контрабанду, привезенную из Порт-Саида. Их ящик был тяжел, они уронили его на землю и из ящика выпали сигары, запутавшиеся в японском шелку. Множество баб сбегалось к ящику и две припленные цыганки, колеблясь и гремя, стали заходить с боку.

— Прочь, галота! — крикнула им Любка и увела моряков в тень под акацию. Они сели там за стол, Евзель подал им вина, и мистер Троттибэрн развернул свои товары. Он вынул из тюка сигары и тонкие шелка, кокаин и напильники, необандероленный табак из штата Виргиния и черное вино, купленное на острове Хиосе. Всякому товару была особая цена, каждую цифру записывали бессарабским вином, пахнущим солнцем и клопами. Сумерки побежали уже по двору, сумерки побежали, как вечерняя волна на широкой реке, и пьяный малаец, полный удивленья, тронул пальцем Любкину грудь. Он тронул ее одним пальцем, потом всеми пальцами по очереди. Желтые и нежные его глаза повисли над столом, как бумажные фонари на китайской улице;

он запел чуть слышно и упал на землю, когда Любка толкнула его кулаком.

— Смотрите, какой хорошо грамотный, — сказала о нем Любка мистеру Троттибэрну: — последнее молоко пропадет у меня от этого малайца, а вот тот еврей с'ел уже меня за это молоко...

И она показала на Цудечкиса, который, стоя в окне, стирал свои носки. Маленькая лампа коптила в комнате у Цудечкиса, лоханка его пеннись и пишела, он высунулся из окна, почувствовав, что говорят о нем, и закричал с отчаянием:

— Ратуйте, люди! — закричал он и помахал руками.

— Цыть, мурло! — захохотала тогда Любка, — цыть! — и бросила в старика камнем, но не попала с первого разу и схватила пустую бутылку из-под вина. Но мистер Троттибэрн, старший механик, взял у нее бутылку, нацелился и угодил в раскрытое окно.

— Мисс Любка, — сказал тогда старший механик, вставая, и он собрал к себе пьяные ноги, — много достойных людей приходит ко мне, мисс Любка, за товаром, но я никому не даю его, ни мистеру Кунинзону, ни мистеру Батю, ни мистеру Купчику, никому кроме вас, потому что разговор ваш мне приятен, мисс Любка...

И, утвердившись на вздрогнувших ногах, он взял за плечи своих матросов, одного англичанина, другого малайца, и пошел танцевать с ними по захолевшему двору. Люди с «Плутарха» — они танцевали в глубокомысленном молчании, и оранжевая звезда,

скатившись к самому краю горизонта, смотрела на них во все глаза. Потом они получили деньги, взялись за руки и вышли на улицу, качаясь, как качается висячая лампа на корабле. С улицы им видно было море, черная вода Одесского залива, игрушечные флаги на потонувших мачтах и пронизывающие огни, зажженные в просторных недрах. Любка проводила танцующих гостей до переезда, она осталась одна на пустой улице, засмеялась своим мыслям и вернулась домой. Заспанный парень в ситцевой рубаше запер за нею ворота, Евзель принес хозяйке дневную выручку, и она отправилась спать к себе наверх. Там дремала уже Песя-Минди, сводница, и Цудечкис качал босыми ножками дубовую люльку.

— Ах, вы замучили нас, бессовестная Любка,— сказал он и взял ребенка из люльки,— но вот учитесь у меня, паскудная мать...

Он приставил мелкий гребень к Любкиной груди и положил сына ей в кровать. Ребенок потянулся к матери, накололся на гребень и заплакал. Тогда старик подсунул ему соску, но Давидка отвернулся от соски.

— Что вы колдуете надо мной, старый плут? — пробормотала Любка, засыпая.

— Молчать, паскудная мать,— ответил ей Цудечкис,— молчать и учиться, чтоб вы пропали...

Дитя опять укололось об гребень, оно нерешительно взяло соску и стало сосать ее с жадностью.

— Вот,— сказал Цудечкис и засмеялся,— я отлучил вашего ребенка, учитесь у меня, чтоб вы пропали...

Давидка лежал в люльке, сосал соску и пускал блаженные слюни. Любка проснулась, открыла глаза и закрыла их снова. Она увидела сына и луну, ломившуюся к ней в окно. Луна прыгала в черных тучах, как заблудившийся теленок.

— Ну, хорошо,— сказала тогда Любка,— открой Цудечкису дверь, Песя-Минди, и пусть он придет завтра за фунтом американского табаку...

И на следующий день Цудечкис пришел за фунтом необандероленного табаку из штата Виргиния. Он получил его и еще четвертку чаю в придачу. А через неделю, когда я пришел к Евзелю покупать, у него голубей, я увидел нового управляющего на Любкином дворе. Он был крохотный, как раввин наш бен-Зхарья. Цудечкис был новым управляющим. Он пробыл в своей должности пятнадцать лет, и за это время я узнал о нем множество историй. И, если сумею, я расскажу их все по порядку, потому что это очень интересные истории.

ОТЕЦ

Фроим Грач был женат когда-то. Это было давно, с того времени прошло двадцать лет. Жена родила тогда Фроиму дочку и умерла от родов. Девочку называли Басей. Ее бабушка по матери жила в Тульчине, в своекорыстном подслеповатом городишке. Старуха не любила своего зятя. Она говорила об нем: Фроим по занятию своему ломовой извозчик, и у него есть воронье лошади, но душа Фроима чернее, чем воронья масть его лошадей...

Старуха не любила зятя и взяла новорожденную к себе. Она прожила с девочкой двадцать лет и потом умерла. Тогда Баська вернулась к своему отцу. Это все случилось так:

В среду, пятого числа, Фроим Грач возил в порт на пароход «Каледония» пшеницу из складов общества Дрейфус. К вечеру он окончил работу и поехал домой. На повороте с Прохоровской улицы ему встретился купец Иван Пятирубель.

— Почтение, Грач,— сказал Иван Пятирубель,— кака-то женчина кодитится до твоего помещения.

Грач поехал дальше и увидел в своем дворе женщину исполинского роста. У нее были громадные бока и щеки кирпичного цвета.

— Папаша,— сказала женщина оглушительным басом,— меня уже черти хватают со скуки, я жду вас целый день... Знайте, что бабушка умерла в Тульчине.

Грач стоял на биндюге и смотрел на дочь во все глаза.

— Не крутись перед конями,— закричал он в отчаянии,— бери уздечку с коренника, ты мне коней побить хочешь...

Грач стоял на возу и размахивал кнутом. Баська взяла коренника за уздечку и подвела лошадей к коношине. Она распрягла их и пошла хлопотать на кухню. Девушка повесила на веревку отцовские портянки, она вытерла песком закопченный чайник и стала разогревать сразу в чугунном котелке.

— У вас невыносимый грязь, папаша,— сказала она и выбросила за окно прокисшие овчины, валившиеся на полу.— Но я выведу этот грязь,— прокричала Баська и подала отцу ужинать. Старик выпил водки из эмалированного чайника и сел сразу, пахнувшую, как счастливое детство. Потом он взял кнут и вышел за ворота. Туда пришла и Баська вслед за ним. Она одела мужские штiblеты и оранжевое платье, она одела шляпу, обвешанную птицами, и уселась на лавочке. Вечер шатался мимо лавочки, сияющий глаз заката падал в море за Пересыпью, и небо было красно, как красное число в календаре. Вся торговля прикрылась на

Дальницкой и палетки проехали уже на Глухую улицу к публичному дому Иоськи Самуэльсона. Они ехали в лаковых экипажах, разодетые, как птицы колибри, в цветных пиджаках. Глаза их были выпучены, одна нога отставлена к подножке, и в стальной протянутой руке они держали букеты, завороченные в папиросную бумагу. Отлакированные их пролетки двигались шагом, в каждом экипаже сидел один человек с чудовищным букетом, и мужчины, торчавшие на высоких сиденьях, были украшены бантами, как шафера на свадьбах. Старые еврейки в наколках лениво следили течение привычной этой процессии, они были ко всему равнодушны, старые еврейки, и только сыновья лавочников и корабельных мастеров завидовали королям Молдаванки. Соломончик Каплун, сын бакалейщика, и Моня-артиллерист, сын контрабандиста, были в числе тех, кто пытался отвести глаза от блеска чужой удачи. Оба они прошли мимо Баськи Грач и подмигнули ей. Они прошли мимо нее, раскачиваясь как девушки, узнавшие любовь, они пошептались между собой и стали двигать руками, показывая, как бы они обнимали Баську, если бы она этого захотела. И вот Баська тотчас же этого захотела, потому что она была простая девушка из Тульчина, из своекорыстного подслеповатого городишки. В ней было весу пять пудов и еще несколько фунтов, всю жизнь прожила она с ехидной порослью подольских маклеров, странствующих книгонош, лесных подрядчиков и никогда не видела таких людей, как Соломончик Каплун.

Поэтому, увидев его, она стала шаркать по земле толстыми ногами, обутыми в мужские штиблеты и сказала отцу.

— Папаша,— сказала она громовым голосом,— посмотрите на этого господинчика,— у него ножки, как куколки, я задушила бы такие ножки...

— Эге, пани Грач,— прошептал тогда старый еврей, сидевший рядом, старый еврей, по фамилии Голубчик,— я вижу, что дите ваше просится на травку.

— Вот марокка на мою голову,— ответил Фроим Голубчику, поиграв кнутом и пошел к себе спать и заснул спокойно, потому что не поверил старику. Он не поверил старику и оказался кругом неправ. Прав был Голубчик. Голубчик занимался сватовством на нашей улице, по ночам он читал молитвы над зажиточными покойниками и знал о жизни все, что можно о ней знать. Фроим Грач был неправ. Прав был Голубчик.

И, действительно, с этого дня Баська все свои вечера проводила за воротами. Она сидела на лавочке и шила себе приданое. Беременные женщины сидели с ней рядом, груди холста ползли по ее раскоряченным могущественным коленям, беременные бабы наливались всякой всячиной, как коровье вымя наливается на пастбище розовым молоком весны, и в это время мужья их один за другим приходили с работы. Мужья бранчливых жен отжимали под водопроводным краном включенные свои бороды и уступали потом место горбатым старухам. Старухи купали в корытах жирных младенцев, они

шлепали внуков по сияющим ягодицам и завораживали их в поношенные свои юбки. И вот Баська из Тульчина увидела жизнь Молдаванки, щедрой нашей матери, — жизнь, набитую сосущими младенцами, сохнувшим тряпьем и брачными ночами, полными пригородного шика и солдатской неутомимости. Девушка захотела и себе такой же жизни, но она узнала тут, что дочь одноглазого Грача не может рассчитывать на достойную партию. Тогда она перестала называть отца отцом.

— Рыжий вор, — кричала она ему по вечерам, — рыжий вор, идите вечерять...

И это продолжалось до тех пор, пока Баська не сшила себе шесть ночных рубах и шесть пар панталон с кружевными оборками. Кончив подшивку кружев, она заплакала тонким голосом, непохожим на ее голос, и сказала сквозь слезы непоколебимому Грачу:

— Каждая девушка, — сказала она ему, — имеет свой интерес в жизни, и только одна я живу, как ночной сторож при чужом складе. Или сделайте со мной что-нибудь, папаша, или я делаю конец моей жизни...

Грач выслушал до конца свою дочь, он одел парусовую бурку на следующий день и отправился в гости к бакалейщику Каплуну на Привозную площадь.

Над лавкой Каплуна блестела золотая вывеска. Это была первая лавка на Привозной площади. В ней пахло многими морями и прекрасными жизнями, неизвестными нам. Мальчик поливал из

лейки прохладную глубину магазина и пел песню, которую прилично петь только взрослым. Соломочник, хозяйский сын, стоял за стойкой, на стойке этой были выставлены маслины, пришедшие из Греции, марсельское масло, кофе в зернах, лиссабонская малага, сардины фирмы «Филиппи и Каню» и каенский перец. Сам Каплун сидел в жилетке на солонце, в стеклянной пристроечке, и ел арбуз, — красный арбуз с черными косточками, с косыми косточками, как глаза лукавых китайцев. Живот Каплуна лежал на столе под солнцем, и солнце ничего не могло с ним поделать. Но потом бакалейщик увидел Грача в парусовой бурке и побледнел.

— Добрый день, мосье Грач, — сказал он и отодвинулся, — Голубчик предупредил меня, что вы будете, и я приготовил для вас фунтик чаю, что это редкость...

И он заговорил о новом сорте чаю, привезенном в Одессу, на голландских пароходах. Грач слушал его терпеливо; но потом прервал, потому что он был простой человек без хитростей.

— Я простой человек без хитростей, — сказал Фроним, — я нахожусь при моих конях и занимаюсь моим занятием. Я даю новое белье за Баськой и пару старых грошей, и я сам есть за Баськой, кому этого мало — пусть тот горит огнем...

— Зачем нам гореть? — ответил Каплун скороговоркой и погладил руку ломового извозчика, — не надо такие слова, мосье Грач, ведь вы же у нас человек, который может помочь другому че-

ловеку, и, между прочим, вы можете обидеть другого человека, а то, что вы не краковский раввин, так я тоже не стоял под венцом с племянницей Мозеса Монтефиоре, но... но мадам Каплун есть у нас мадам Каплун, грандиозная дама, у которой сам бог не узнает, чего она хочет...

— А я знаю,— прервал лавочника Грач с ужасным спокойствием,— я знаю, что Соломончик хочет Баську, но мадам Каплун не хочет меня.

— Да, я не хочу вас,— прокричала тогда мадам Каплун, подслушивавшая у дверей, и она взопла в стеклянную пристройку, вся пылая, с волнующейся грудью,— я не хочу вас, Грач, как человек не хочет смерти; я не хочу вас, как невеста не хочет прыщей на голове. Не забывайте, что покойный дедушка наш был бакалейщик, покойный папаша был бакалейщик, и мы должны держаться нашей бранжи.

— Держитесь вашей бранжи,— ответил Грач пылающей мадам Каплун и ушел к себе домой.

Там ждала его Баська, разодетая в оранжевое платье, но старик, не посмотрев на нее, разостлал кожух под телегами, лег спать и спал до тех пор, пока могучая Баськина рука не выбросила его из-под телеги.

— Рыжий вор,— сказала девушка шопотом, непохожим на ее шопот,— отчего должна я переносить биндюжничьи ваши манеры, и отчего вы молчите, как пень, рыжий вор?..

— Баська,— произнес тогда Грач с ужасным спокойствием,— Соломончик, тебя хочет, но мадам Каплун не хочет меня... Там ищут бакалейщика...

И, поправив кожух, старик снова полез под телеги, а Баська исчезла со двора...

Все это случилось в субботу, в нерабочий день. Пурпурный глаз заката, обшаривая землю, наткнулся вечером на Грача, храневшего под своим биндюгом. Стремительный луч уперся в спящего с пламенной укоризной и вывел его на Дальницкую улицу, пылившую и блестевшую, как зеленая рожь на ветру. Татары шли вверх по Дальницкой, татары и турки со своими муллами. Они возвращались с богомолья из Мекки к себе домой в Оренбургские степи и в Закавказье. Пароход привез их в Одессу, и они шли из порта на постоянный двор Любки Шнейвейс, прозванной Любка Козак. Полосатые негибамые халаты стояли на татарах и затопляли мостовую бронзовым потом пустыни. Белые полотенца были замотаны вокруг их фесок, и это обозначало человека, поклонившегося праху пророка. Богомольцы дошли до угла, они повернули к Любкиному двору, но не смогли там пройти, потому что у ворот собралось множество людей. Любка Шнейвейс, с кошельком на боку, была пьяного мужика и толкала его на мостовую. Она была сжатым кулаком по лицу, как в бубен, и другой рукой поддерживала мужика, чтобы он не отваливался. Струйки крови ползли у мужика между зубами и возле уха, он был задумчив и смотрел на Любку, как на чужого человека, потом он упал

па камни и заснул. Тогда Любка толкнула его ногой и вернулась к себе в лавку. Ее сторож Евзель закрыл за нею ворота и помахал рукой Фроиму Грачу, проходившему мимо.

— Почтение, Грач,— сказал он,— если хотите чего-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор, есть с чего посмеяться...

И сторож повел Грача к стене, где сидели богомольцы, прибывшие накануне. Старый турок в зеленой чалме, старый турок, зеленый и легкий, как лист, лежал на земле. Он был покрыт жемчужным потом, он трудно дышал и ворочал глазами.

— Вот,— сказал Евзель, и поправил медаль на истертом своем пиджаке,— вот вам жизненная драма из оперы «Турецкая хвороба». Он кончается, старичек, но к нему нельзя позвать доктора, потому что кто кончается по дороге от бога Мухамеда к себе домой, тот считается у них первый счастливец и богач... Халваш,— закричал Евзель, умирающему и захохотал,— вот идет доктор лечить тебя...

Турок посмотрел на сторожа с детским страхом и ненавистью и отвернулся. Тогда Евзель, довольный собою, повел Грача на противоположную сторону двора к внешнему погребу. В погребе горели уже лампы, и играла музыка. Старые евреи с грязными бородами играли румынские и еврейские песни. Мендель Крик пил за столом вино из зеленого стакана и рассказывал о том, как искалечили его собственные сыновья—старший Беня и младший Левка. Он орал свою историю хриплым

и страшным голосом, показывал размоленные свои зубы и давал щупать раны на животе. Волынские цадики с фарфоровыми лицами стояли за его стулом и слушали в оцепенении неслыханную похвальбу Менделя Крика. Они удивлялись всему, что слышали, и Грач презирал их за это.

— Старый хвостун,— пробормотал он о Менделе и заказал себе вина.

Потом Фроим подозвал к себе хозяйку Любку Козак. Она сквернословила у дверей и пила водку стоя.

— Говори,— крикнула она Фроиму и в бешенстве скосила глаза.

— Мадам Любка,— ответил ей Фроим и усадил рядом с собой,— вы умная женщина, и я пришел до вас, как до родной мамы. Я надеюсь на вас, мадам Любка, сначала на бога, потом на вас...

— Говори,— закричала Любка, побежала по всему погребу и потом вернулась на свое место.

И Грач сказал:

— В колониях,— сказал он,— немцы имеют богатый урожай на пшеницу, а в Константинополе бакалей идет за половину даром. Пуд маслин покупают в Константинополе за три рубля, а продают их здесь по тридцать копеек за фунт... Бакалейщикам стало хорошо, мадам Любка, бакалейщики гуляют очень жирные, и если подойти к ним с деликатными руками, так человек мог бы стать счастливым... Но я остался один в моей работе, покойник Лева Бык умер, мне нет помощи ни-

откуда, и вот я один, как бывает один бог на небе...

— Бенья Крик,— сказала тогда Любка,— ты пробова- л его на Тартаковском, чем плох тебе Бенья Крик?

— Бенья Крик,— повторил Грач, полный удивле- ния,— и он холостой, мне сдается?..

— Он холестой,— сказала Любка,— окрути его с Баськой, дай ему денег, выведи его в люди...

— Бенья Крик,— повторил старик, как эхо, как дальнее эхо,— я не подумал об нем.

Он встал, бормоча и заикаясь, Любка побежала вперед, и Фроим поплелся за нею следом. Они прошли двор и поднялись во второй этаж. Там, во втором этаже, жили женщины, которых Любка держала для приезжающих.

— Наш жених у Катюши,— сказала Любка Грачу,— подожди меня в коридоре,— и она про- шла в крайнюю комнату, где Бенья Крик лежал с женщиной, по имени Катюша.

— Довольно слюни пускать,— сказала хозяйка молодому человеку,— сначала надо пристроиться к какому-нибудь делу, Бенчик, и потом можно слюни пускать... Фроим Грач ищет тебя. Он ищет человека для работы и не может найти его...

И она рассказала все, что знала о Баське и о делах одноглазого Грача.

— Я подумаю,— ответил ей Бенья, закрывая про- стыней Катюшины голые ноги,— я подумаю, пусть старик обождет меня...

— Обожди его,— сказала Любка Фроиму, остав- шемуся в коридоре,— обожди его, он подумает...

Хозяйка придвинула стул Фроиму, и он погру- зился в безмерное ожидание. Он ждал терпеливо, как мужик в канцелярии... За стеной стонала Ка- тюша и заливалась смехом. Старик, продремал два часа у запертой ее двери, два часа и, может быть, больше. Вечер давно уже стал ночью, небо по- чернело, и млечные его пути исполнились золота, блеска и прохлады. Любкин погреб был закрыт уже, пьяницы валялись во дворе, как сломанная мебель, и старый мулла в зеленой чалме умер к полуночи. Потом музыка пришла с моря, валторны и трубы с английских кораблей, музыка пришла с моря и стихла, но Катюша, обстоятельная Катюша, все еще накаляла для Бени Крика свой расписной, свой русский и румяный рай. Она стонала за стеной и заливалась смехом, старый Фроим сидел не дви- гаясь у ее дверей, он ждал до часу ночи и потом постучал.

— Человек,— сказал он,— неужели ты смеешься надо мной?

Тогда Бенья открыл, наконец, дверь Катюшиной комнаты.

— Мосье Грач,— сказал он, конфузясь, сияя и закрываясь простыней,— когда мы молодые, так мы думаем на женщин, что это товар, но это же всего только солома, которая горит ни от чего...

И, одевшись, он поправил Катюшину постель, взбил ее подушки и вышел со стариком на улицу. Гуляя, дошли они до русского кладбища и там,

у кладбища, сошлись интересы Бени Крика и кривого Грача, прославленного налетчика. Они сошлись на том, что Баська приносит своему будущему мужу три тысячи рублей приданого, две кровных лошади и жемчужное ожерелье. Они сошлись еще на том, что Каплун обязан уплатить две тысячи рублей Бене, Баськиному жениху. Он был повинен в семейной гордости — Каплун с Привозной площади, он не пощадил первой Баськиной любви, и поэтому Бенья Крик решил взять на себя задачу получения с Каплуна двух тысяч рублей.

— Я возьму это на себя, папаша, — сказал он будущему своему тестю, — бог поможет нам, и мы накажем всех бакалейщиков...

Это было сказано на рассвете, когда ночь прошла уже, и вот тут начинается новая история — истории падения дома Каплунов, повесть о медленной его гибели, о поджогах и ночной стрельбе. И все это — судьба высокомерного Каплуна и судьба девушки Баськи — решилось в ту ночь, когда ее отец и внезапный ее жених гуляли вдоль русского кладбища. Парни тащили тогда девушек за ограды и поделун раздавались на могильных плитах.

ЭСКАДРОННЫЙ ТРУНОВ.

В полдень мы привезли в Сокаль простреленное тело Трунова, эскадронного нашего командира. Он был убит утром в бою с неприятельскими аэропланами. Все попадания у Трунова были в лицо, щеки его были усеяны ранами и язык вырван. Мы обмыли, как умели, лицо мертвеца для того, чтобы вид его был менее ужасен, мы положили кавказское седло у изголовья гроба и вырыли Трунову могилу на торжественном месте, в общественном саду, посредине города, у самого собора. Туда явился наш эскадрон на конях, штаб полка и военком дивизии. И в два часа по соборным часам дряхлая наша пушченка дала первый залп. Она салютовала мертвому командиру во все старые свои три дюйма, она сделала полный салют, и мы поднесли гроб к открытой яме. Крышка гроба была открыта, полуденное чистое солнце освещало длинный труп, и рот его, набитый разломанными зубами, и вычищенные сапоги, сложенные в пятках, как на ученьи.

— Бойцы, — сказал тогда, глядя на покойника, Пугачев, командир полка, и стал у края ямы, —

бойцы,—сказал он, дрожа и вытягиваясь по швам,—хороним Пану Трунова, всемирного героя, отдаем Паше последнюю честь...

И, подняв к небу глаза, раскаленные бессонницей, Пугачев прокричал речь о мертвых бойцах из Первой Конной, об гордой этой фаланге, бьющей молотом истории по наковальне будущих веков. Пугачев громко прокричал свою речь, он дрожал все время, когда говорил, сжимал рукоять кривой чеченской пашки и рыл землю кривыми ободранными ногами в серебряных шпорах. Оркестр после его речи сыграл Интернационал, и казаки простились с Пашкой Труновым. Весь эскадрон вскочил на коней и дал залп в воздух, трехдюймовка наша прошамкала во второй раз, и мы послали трех казаков за венком. Они помчались, стреляя на карьере, выпадая из седел и джигитуя, и привезли красных цветов целые пригоршни. Пугачев рассыпал эти цветы у могилы, и мы стали подходить к Трунову с последним целованием. Я стоял в задних рядах, я тронул губами прояснившийся лоб, обложенный седлом, и ушел в город, в готический Сокаль, лежавший в синей пыли в непобедимом галицийском унынии. Большая площадь простиралась налево от сада, площадь, застроенная древними синагогами. Евреи в рваных лабсердаках бранились на этой площади и в непонятном ослеплении таскали друг друга. Одни из них — ортодоксы, превозносили учение Адасии, раввина из Белза, за это на ортодоксов наступали хасиды умеренного толка, ученики гусятинского раввина Иуды. Евреи спорили о Каб-

бале и поминали в своих спорах имя Илии, виленского гаона, гонителя хасидов...

— Илия,—кричали они, извиваясь, и раззевали заросшие рты.

Забыв войну и залпы, хасиды поносили самое имя Илии, виленского первосвященника, и я, томясь печалью по Трунову, я тоже толкался среди них и для облегчения моего горланил вместе с ними, пока не увидел перед собой галичанина, мертвого и длинного, как дон-Кихот.

Галичанин этот был одет в белую холщевую рубаху до пят. Он был одет, как бы для погребения или для причастия и вел на веревке взлохмаченную коровенку. На гигантское его туловище была посажена подвижная, крохотная, пробитая головка змеи, она была прикрыта широкополой шляпой из деревенской соломы и пошатывалась. Жалкая коровенка шла за галичанином на поводу; он вел ее с важностью и виселицей длинных своих костей пересекал горячий блеск небес.

Торжественным шагом миновал он площадь и вошел в кривой переулок, обкуренный тошнотворными густыми дымами. В обугленных домишках, в нищих кухнях возились еврейки, похожие на старых негритянок, еврейки с непомерными грудями. Галичанин прошел мимо них и остановился в конце переулка у фронтона разбитого здания. Там, у фронтона, у белой покоробленной колонны сидел цыган-кузнец и ковал лошадей. Цыган бил молотом по копытам, потряхивал жирными волосами, свистел и улыбался. Несколько казаков с лошадьми стояли

вокруг него. Мой галичанин подошел к кузнецу, безмолвно отдал ему с дюжину печеных картофелин и, ни на кого не глядя, повернул назад. Я зашагал, было, за ним, потому что мне не понять было, какой он человек и какова жизнь его здесь, в Сокале, но тут меня остановил казак, державший на-готове некованную лошадь. Фамилия этому казаку была Селиверстов. Он ушел от Махно когда-то и служил в 33 кавполку.

— Лютов,— сказал он, поздоровавшись со мной за руку,— ты всех людей задираешь, в тебе чорт сидит, Лютов,— зачем ты Трунова покалечил сегодняшнее утро?..

Из глупых чужих слов Селиверстов закричал мне сущую нелепицу о том, что будто я в нынешнее утро побил Трунова, моего эскадронного. Селиверстов укорял меня всячески за это, он укорял меня при всех казаках, но в истории его не было ничего верного. Мы побранились, правда, в это утро с Труновым, потому что Трунов заводил всегда с пленными нескончаемую канитель, мы побранились с ним, но он умер, Пашка, ему нет больше судей в мире, и я ему последний судья изо всех. У нас вот почему вышла ссора.

Сегодняшних пленных мы взяли на рассвете у станции Завады. Их было десять человек. Они были в нижнем белье, когда мы их брали. Куча одежды валялась возле поляков, и это была их уловка, для того, чтобы мы не отличили по обмундированию офицеров от рядовых. Они сами бросали

свою одежду, но на этот раз Трунов решил добыть истину.

— Офицера, выходи,— скомандовал он, подходя к пленным, и вытащил револьвер.

Трунов был уже ранен в голову в это утро, голова его была обмотана тряпкой, и кровь стекала с нее, как дождь со скирды.

— Офицера, сознавайся,— повторил он и стал толкать поляков рукояткой револьвера.

Тогда из толпы выступил худой и старый человек с большими голыми костями на спине, с желтыми скулами и висячими усами.

— ..Край той войне,— сказал старик с непонятным восторгом,— вси официр утик, край той войне...

И поляк протянул эскадронному синие руки.

— Пять пальцев,— сказал он, рыдая и вертя вилой громадной своей рукой,— цими пятыю пальцями я выховал мою семейству...

Старик задохся, закачался, истек восторженными слезами и упал перед Труновым на колени, но Трунов отвел его саблей.

— Офицеры ваши гады,— сказал эскадронный,— офицеры ваши побросали здесь одежду, на кого придется,— тому крышка, я пробу сделаю...

И тут же эскадронный выбрал из кучи тряпья фуражку с кантом и надвинул ее на старого.

— Впору,— пробормотал Трунов, придвигаясь и пришепелявая,— впору,— и всунул пленному саблю в глотку. Старик упал, повел ногами, и из горла его вылился пенный коралловый ручей. Тогда

к нему подобрался, блестя серьгой и круглой деревенской шеей, Андрюшка Восьмилетов. Андрюшка расстегнул у поляка пуговицы, встряхнул его легонько и стал стаскивать с умирающего штаны. Он перебросил их к себе на седло, взял еще два мундира из кучи, потом отъехал от нас и заиграл плетью. Солнце в это мгновение вышло из туч. Оно стремительно окружило Андрюшкину лошадь, веселый ее бег, беспечные качанья ее кудега хвоста. Андрюшка ехал по тропинке к лесу, в лесу стоял наш обоз, кучера из обоза бесновались, свистели и делали Восьмилетову знаки, как немому.

Казак доехал уже до середины пути, но тут Трунов, упавший вдруг на колена, прохрипел ему вслед:

— Андрей, — сказал эскадронный, глядя в землю, — Андрей, — повторил он, не поднимая глаз от земли, — республика наша советская живая еще, рано дележку ей делать, скидай барахло, Андрей...

Но Восьмилетов не обернулся даже. Он ехал казачкой удивительной своей рысью, лошаденка его бойко выкидывала из-под себя хвост, точно отмахивалась от нас.

— Измена, — пробормотал тогда Трунов и удивился, — измена, — сказал он, торопливо, вскинул карабин на плечо, выстрелил и промахнулся второпях. Но Андрей остановился на этот раз. Он повернул к нам коня, запрыгал в седле по-бабьи, лицо его стало красно и сердито, и он задрыгал ногами.

— Слышь, земляк, — закричал он, под'езжая, и тут же успокоился от звука глубокого и сильного

своего голоса, — как бы я не стукнул тебя, земляк, к такой-то свет матери... Тебе десяток шляхты прибрать — ты вона каку панику делаешь, мы по сотни прибирали — тебя не звали... рабочий ты если — так сполняй свое дело...

И, выбросив из седла штаны и два мундира, Андрюшка засопел носом и, отворачиваясь от эскадронного, взялся помогать мне составлять список на оставшихся пленных. Он терся возле меня и сопел необыкновенно шумно, и эта суета его была мне в тягость. Пленные выли и бежали от Андрюшки, он гнался за ними и брал их в охапку, как охотник берет в охапку камыши для того, чтобы рассмотреть стаю, тянущуюся к речке на заре.

Возясь с пленными, я истощил все проклятия и кое-как записал восемь человек, номера их частей, род оружия и перешел к девятому. Девятый этот был юноша, похожий на немецкого гимнаста из хорошего цирка, юноша с гордой немецкой грудью и с бачками, в триковой фуфайке и в егереvских кальсонах. Он повернул ко мне два соска на высокой груди, откинул вспотевшие белые волосы и назвал свою часть. Тогда Андрюшка схватил его за кальсоны и спросил строго:

— Откуда spodники достал?

— Матка вязала, — ответил пленный и покачнулся.

— Фабричная у тебя матка, — сказал Андрюшка, все приглядываясь, и подушечками пальцев потрогал у поляка холеные ногти, — фабричная у тебя матка, наш брат таких не нашивал...

Он еще раз пощупал егеревские кальсоны и взял за руку девятого для того, чтобы отвести его к остальным пленным, уже записанным. Но в это мгновение я увидел Трунова, вылезающего из-за бугра. Кровь стекала с головы эскадронного, как дождь со скирды, грязная тряпка его размоталась и повисла, он полз на животе и держал карабин в руках. Это был японский карабин, отлакированный и с сильным боем. С двадцати шагов Пашка разнес юпоше череп, и мозги поляка посыпались мне на руки. Тогда Трунов выбросил гильзу из ружья и подошел ко мне.

— Вымарай одного,— сказал он, указывая на список.

— Не стану вымарывать,— ответил я, содрогаюсь.— Троцкий, видно, не для тебя приказы пишет, Павел...

— Вымарай одного,— повторил Трунов и ткнул в бумажку черным пальцем.

— Не стану вымарывать,— закричал я изо всех сил.— Было десять, стало восемь, в штабе не посмотрят на тебя, Пашка...

— В штабе через несчастную нашу жизнь посмотрят,— ответил Трунов и стал продвигаться ко мне, весь разодранный, охрипший и в дыму, но потом остановился, поднял к небесам окровавленную голову и сказал с горьким упреком: — Гуди, гуди,— сказал он,— эвон еще и другой гудит...

И эскадронный показал нам четыре точки в небе, четыре бомбовоза, заплывавшие за сияющие лебединые облака. Это были машины из воздушной

эскадрильи майора Фаупт-Ле-Го, просторные бронированные машины.

— По коням,— закричали взводные, увидев их, и на рысях отвели эскадрон к лесу, но Трунов не поехал со своим эскадром. Он остался у станционного здания, прижался к стене и затих. Андрюшка Восьмилетов и два пулеметчика, два босых парня в малиновых рейтузах, стояли возле него и тревожились.

— Нарезай винты, ребята,— сказал им Трунов, и кровь стала уходить из его лица,— вот, донесение Пугачу от меня...

И гигантскими мушкетерскими буквами Трунов написал на косо выданном листке бумаги:

«Имея погибнуть сего числа,— написал он,— нахожу долгом приставить двух номеров к возможному сбитию неприятеля и в то же время отдаю командование Семену Голову, взводному».

Он запечатал письмо, сел на землю и, понатужившись, стянул с себя сапоги.

— Пользуйся,— сказал он, отдавая пулеметчикам донесение и сапоги,— пользуйся, сапоги новые...

— Счастливо вам, командир,— пробормотали ему в ответ пулеметчики, переступили с ноги на ногу и мешкали уходить.

— И вам счастливо,— сказал Трунов,— как-нибудь, ребята,— и пошел к пулемету, стоявшему на холмике, у станционной будки. Там ждал его уже Андрюшка Восьмилетов, барахольщик.

— Как-нибудь,— сказал ему Трунов и взялся наводить пулемет,— ты со мной, што ль, побудешь, Андрей?..

— Господа Иисуса,— испуганно ответил Андриюшка, всхлипнул, побелел и засмеялся.— Господа Иисуса хоругву мать!..

И стал наводить на аэропланы второй пулемет.

А аэропланы залетали уже над станцией все круче, они хлопотливо трещали в вышине, снижались, описывали дуги, и солнце розовым лучом ложилось на желтый блеск их крыльев.

В это время мы, четвертый эскадрон, сидели в лесу. Там, в лесу, мы дождались неравного боя между Пашкой Труновым и майором американской службы Реджинальдом Фаунт-Ле-Ро. Майор и три его бомбометчика выказали уменье в этом бою. Они снизились на триста метров и расстреляли из пулеметов сначала Андриюшку и потом Трунова. Все ленты, выпущенные нашими, не причинили американцам вреда, и они улетели в сторону, не заметив эскадрона, спрятанного в лесу. И поэтому, выждав с полчаса, мы смогли поехать за трупами. Тело Андриюшки Восьмилетова забрали два его родича, служившие в нашем эскадроне, а Трунова, покойного нашего командира, мы отвезли в готический Сокаль и похоронили его там на торжественном месте, в общественном саду, в цветнике посредине города.

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
Любка Козак	3
Отец	12
Эскадронный Трунов	25

Обложка работы художника *В. Козлинского.*

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

- № 1. А. Лондр — «Кайенна», с послесловием Андре Марти.
№ 2. А. Рифлинг — «Война будущего».
№ 3. Мих. Зоженно — «Обезьяний язык», юморист. рассказы.
№ 4. А. Луначарский и Г. Лелевич — Анатолий Франс.
№ 5. И. Бабель — Рассказы.
№ 6. Л. Никулин — «Вторая Мещанская», юморист. рассказы.
№ 7. Джон Рид — «Война с Колорадо».
№ 8. Ефим Зозуля — Рассказы.
№ 9. Ник. Нашиаров — Рассказы об Октябре.
№ 10. Ларисса Рейснер — Азиатские повести.
№ 11. Михаил Пришвин — «Смертный пробег», охотничьи рассказы.
№ 12. Юрий Соболев — «Новый Чехов».
№ 13. Л. В. Заннов — «Наука о поведении человека».
№ 14. Андрей Соболев — «Китайские тени», рассказы.
№ 15. Вера Инбер — Рассказы.
№ 16. А. И. Свицкий — «На волоске», рассказ.
№ 17. Рен. Т. Марк — «Месс-Менд — вождь германской ЧК».
№ 18. И. А. Карпов — «Грызки - хозяйчики», юмор. рассказ.
№ 19. Якоб Вассерман — «Золото», рассказ.
№ 20. А. Безыменский — Избранные стихи.
№ 21. Карл Раден — Сун-Ят-Сен и китайское революционное движение.
№ 22. М. Горький — «Рождение человека», рассказы.
№ 23. А. Новиков-Прибой — «Под южным небом», рассказы.
№ 24. Всеволод Иванов — Рассказы и сказки.
№ 25. А. Сыркин — «Под восточной звездой».
№ 26. Л. Сосновский — «О музыке и о прочем».
№ 27. Б. Рустам Бен — «Полярные льды».
№ 28. В. Маяковский — «Облако в штанах».
№ 29. Мих. Зоженно — Нов. юмор. рассказы.
№ 30. В. Васильенко — Рассказы.
№ 31. Вл. Лидин — «Рассказы о двадцатом годе».
№ 32. М. Горький — Два рассказа.
№ 33. Михаил Кольцов — «Западные прогулки».
№ 34. В. Шкловский — «Конец похода».
№ 35. Л. Кармен — «Рассказы о пятом годе».
№ 36. С. Гехт — Рассказы.

- № 37. Бор. Пильняк — „Speranza“.
 № 38. Илья Ренц — „Извозчик в пенсне“, рассказы.
 № 39. М. Горький — „Как сложили песню“.
 № 40. Сергей Есенин — „Избранные стихи“.
 № 41. Жан Туссель — „Каменотес“, рас. перев. В. Ильиной.
 № 42. Клод Мак-Кей — „Судом Линча“.
 № 43. Илья Эренбург — „Трубка коммунара“.
 № 44. Ольга Форш — „Обыватели“.
 № 45. А. Зорич — „О цветной капусте“.
 № 46. Н. Ржецкин — „Красная площадь“.
 № 47. Л. Митницкий — „Братва“.
 № 48. Ж. Кессель — „Мэри из Корка“.
 № 49. С. Федорченко — „Народ на войне“.
 № 50. Эрих Мюзам — Избранные стихи и рассказы.
 № 51. Бор. Савинков — „В тюрьме“.
 № 52. С. Решетов — „В старом подполье“.
 № 53. Бор. Савинков — „Последние помещики“.
 № 54. А. Арну — „Электрическое кресло“.
 № 55. Д. Крептюков — „Микиша“.
 № 56. М. Пришвин — Рассказы.
 № 57. В. Вересаев — Рассказы.
 № 58. Эмиль Золя — „Праздник в Коквине“.
 № 59. С. Буданцев — Эскадрилья великой коммуны.
 № 60. Зална Матэ — Рассказ о венгерском солдате.
 № 61. Мих. Зощенко — „Собачий нюх“.
 № 62. В. Дженкобс — Выселение полицейского, рассказы.
 № 63. Б. Гусман — „Поэты“ — пять характеристик.

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИЖКИ—15 КОП.

Вышедшие книжки Библиотеки „Огонек“.

<p>В. ШКЛОВСКИЙ КОНЕЦ ПОХОДА</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 37 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>МИХАИЛ КОПЦОВ ЗАПАДНЫЕ ПРОГУЛКИ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 38 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>РАССКАЗЫ С. ГЕХТА</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 39 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>Л. О. КАРМЕН РАССКАЗЫ О ПЯТОМ ГОДЕ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 40 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>
<p>БОР. ПИЛЬНЯК SPERANZA</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 41 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>ИЛЬЯ РЕНЦ ИЗВОЗЧИК В ПЕНСНЕ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 42 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>М. ГОРЬКИЙ КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 43 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ИЗБРАННЫЕ СТИХИ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 44 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>
<p>ЖАН ТУССЕЛЬ КАМЕНОТЕС РАССКАЗ ПЕРЕВ. В. ИЛЬИНОЙ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 45 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>КЛОД МАК-КЕЙ СУДОМ ЛИНЧА</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 46 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ ТРУБКА КОММУНАРА</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 47 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>ОЛЬГА ФОРШ ОБЫВАТЕЛИ РАССКАЗЫ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 48 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>
<p>А. ЗОРИЧ О ЦВЕТНОЙ КАПУСТЕ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 49 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>НИКОЛАЙ АШУКИН КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 50 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>Л. МИТНИЦКИЙ БРАТВА</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 51 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>	<p>ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ МЭРИ ИЗ КОРКА</p> <p>БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“ № 52 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“ МОСКВА</p>

ЦЕНА 15 коп.

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК“

Еженедельно ОДНА книжка:

1 мес.—50 к., 3 мес.—1 р. 50 к., 6 мес.—3 р., 1 год—5 р.

Еженедельно ДВЕ книжки:

1 мес.—1 р., 3 мес.—3 р., 6 мес.—5 р., 1 год—10 р.

АДРЕС:

Москва, Тверской бульвар, д. 26, телефон 3-91-48.

Издательство „ОГОНЕК“.